
М. В. СЁМИНА

Грамота великого князя Олега Рязанского XIV века

Грамота великого князя Олега Ивановича Рязанского является уникальным памятником русской деловой письменности, дошедшим до наших дней в подлиннике и двух списках. Немногочисленность актового материала раннего периода Рязанского княжества, сохранившегося преимущественно в копиях, в пересказах или в виде фрагментарных выписей, заставляет обратить самое пристальное внимание на этот памятник второй половины XIV в., украшенный миниатюрой.

Подлинник грамоты хранится в Российском Государственном архиве древних актов, в фонде грамот Коллегии экономии.¹ Текст написан на ровно разлинованном листе пергамента черно-бурыми чернилами в 35 строк с межстрочным интервалом в 1 см. Пергамен серого оттенка, средней толщины, бархатистый, изначально был белого цвета.² На верхнем поле листа пергамента остались следы от гвоздевых отверстий. Основной текст выполнен аккуратным уставом; начиная с конца 32-й строки следует приписка, которая написана мелким неровным почерком более светлыми по сравнению с основным текстом чернилами. В тексте утрачен инициал «М». Из-за механического воздействия наблюдаются выпадения пергамента на 1, 10, 12—18, 25-й строках, наиболее значительные по площади — на 12—15-й строках, частичные потери листа имеют место на строках приписки. Документ имел две печати.³ Сохранился остаток красного шнура, на котором крепилась утраченная вислая княжеская печать. В настоящее время грамота хранится в развернутом виде в папке соответствующего формата и имеет следующие размеры: в длину: по левому полю — 632 мм, по правому — 641 мм; в ширину: по верхнему полю — 380 мм, по нижнему — 366 мм.⁴

Грамота существует также в двух списках второй половины XVII в.: первый — лицевой — сделан в виде отдельной грамоты,⁵ второй входит

¹ РГАДА, ф. 281, оп. 15, № 9821.

² РГАДА, ф. 281, паспорт реставрации, № 12, л. 75 (пагинация сквозная).

³ Сборник Московского архива Министерства юстиции (Мамю). М., 1913. Т. 1. С. 55; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI века. М., 1964. Т. 3. № 322.

⁴ Выражаю глубокую признательность заместителю директора РГАДА Идее Андреевне Балакаевой за предоставленную возможность ознакомиться с документом и произвести новые обмеры пергамента.

⁵ РГАДА, ф. 281, оп. 15, № 9821; *Семина М. В.* Грамота Олега Рязанского : Лицевой список второй половины XVII в. // *Древняя Русь : Вопросы медиевистики.* 2009. № 3 (37). С. 103—104.

в состав копийной книги Ольгова монастыря.⁶ В описи Савво-Сторожевского монастыря 1676 г., к которому, согласно царскому указу от 9 июля 1651 г., был приписан Ольгов монастырь,⁷ значится запись: «Великого князя Ольга Ивановича Рязанского жалованная вотчинная грамота, писана на хартии, в возглавии Деисусов образ Спасов, а в молении великий князь Вольг да игумен того монастыря Арсений, а году в той грамоте не написано (л. 43 об.), гораздо ветха».⁸

Прослеживается наличие и третьей копии, которая «как заветная древность» находилась в настоятельской келье Ольгова монастыря,⁹ что косвенно подтвердилось в ходе осмотра монастырской библиотеки членами Рязанской ученой архивной комиссии И. И. Проходцовым и В. Н. Крейтоном 27 сентября 1898 г.¹⁰ По сообщению И. И. Проходцова, из монастыря список был «взят преосвященным Мелетием¹¹ и теперь хранится в архиерейском доме», поэтому не был доступен для обозрения. Местонахождение списка в настоящее время не установлено. По нашему мнению, этот экземпляр следует считать самым первым списком-реликвией, изготовленным монахами Ольгова монастыря перед передачей в 1651 г. монастырского архива в Звенигород, в чьей канцелярии впоследствии велась работа по составлению копийной книги Ольгова монастыря и лицевого списка.

Первые публикаторы грамоты не смогли однозначно определить дату написания документа.¹² Важным этапом в деле изучения памятника стала подготовка специализированного археографического издания, посвященного «самому древнему подлинному манускрипту в Архиве» Министерства юстиции, которое было снабжено обширными историческими и библиографическими комментариями.¹³ Д. В. Цветаев одним из первых предложил датировать памятник 1372 г. В современной историографии прочно закрепилась порубежная датировка 1371—1372 гг.¹⁴ В летописи под 1371 г. зафиксирована неудачная для рязанцев битва с москвичами «на Скорнищеве»: «В Филипово говенье, того же лета, месяца Декабря в 14, пред Рожеством Христовым, бысть побоище Москвичам с Рязанци: князь же великий Дмитрий Иванович посла рать на Рязань на Олга князя на Рязаньского»,¹⁵ вследствие чего Олег Ивано-

⁶ РГАДА, ф. 1199, оп. 1, д. 118, л. 30 об.—33.

⁷ Шумаков С. [А.] Материалы для истории Рязанского края // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1897. Т. 12, вып. 1. С. 88.

⁸ Описи Саввина Сторожевского монастыря XVII века : Материалы для истории Звенигородского края. М., 1994. Вып. 2. С. 102—103.

⁹ Макарий, архим. Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии. М., 1863. С. 295.

¹⁰ Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1898 год. Рязань, 1898. Т. 13, вып. 1. С. XLIX.

¹¹ Епископ Мелетий находился на рязанской кафедре с октября 1896 г. по январь 1900 г.

¹² Сборник Муханова. М., 1836. № 116; Донесение в Археографическую комиссию члена ее г. Берендинова о древней грамоте князя рязанского Олега Иоанновича Ольгову монастырю // ЖМНП. СПб., 1837. Ч. 15. Июль. Отд. II. С. 134—138; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. № 2.

¹³ Сборник МАМЮ. С. 5—56.

¹⁴ Романов Б. А. Элементы легенды в жалованной грамоте вел. кн. Олега Ивановича Рязанского Ольгову монастырю // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Вып. 3. С. 205—224; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М., 1951. Ч. 2. С. 125—130; АСЭИ. № 322; Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси : Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII—начала XV вв. М., 1980. № 15.

¹⁵ Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // ПСРЛ. М., 2000. Т. 16. С. 94.

вич потерял великокняжеский стол и был вынужден покинуть Переяславль. На княжение был посажен ставленник Москвы, удельный пронский князь Владимир Дмитриевич, но уже в начале 1372 г., прибегнув к помощи татарского мурзы Салахмира, Олег сместил пронского князя, вернув себе великое княжение.¹⁶ Считается, что основной текст грамоты был оформлен до Скорнищевской битвы, тогда как обетная приписка появилась либо после сражения, когда князь оказался за пределами своей «отчины», либо по возвращении его в Переяславль.¹⁷

В данной статье предпринята попытка дипломатического и искусствоведческого исследования грамоты. В рамках первой задачи проводится обобщенный формулярный анализ документа с выделением основных его статей; вторая задача предполагает решение атрибуционных вопросов, связанных с выяснением особенностей иконографической программы и стилистики живописи, что позволит выйти на проблемы происхождения и авторства миниатюры.

1. Формуляр грамоты.¹⁸

Мы сталкиваемся в грамоте с расширенным и сложносоставным типом формуляра. Государственный акт регулирует взаимоотношения между светской властью в лице князя и духовной корпорацией в лице игумена. Документ содержит важную историческую справку о времени основания монастыря «на Олгове», указывая имена первых князей-строителей. Грамота проливает свет на запутанную генеалогию рязанского княжеского дома, открывая нам имя отца великого князя Олега Рязанского, Ивана Александровича.¹⁹ Вместо формулы пожалования текст оперирует формулой «даль есмь» (с различными производными: «даль», «дали», «подавали», «давшие», «придаль»). В связи с этим термин «жалованная» грамота, хотя и отражает суть княжеского акта пожалования в виде дарения, семантически условен.

Текст грамоты предваряет деисусная композиция, представляющая собой символическую инвокацию и открывающая начальный протокол документа.²⁰ Миниатюра располагается в П-образном пространстве, заранее оставленном писцом перед написанием текста. Будучи символической инвокацией и частью формуляра, миниатюра задумывалась до того, как писец приступил к оформлению текста. Поскольку любое начинание освящалось молитвой, Деисус в грамоте как изобразительная формула молитвы призван был выполнять функцию палладиума, «божественной» охранительной грамоты. Присутствие Деисуса на особо знаменательном великокняжеском документе можно рассматривать и как знак сакрализации государственного акта. Палеограф А. И. Соболевский

¹⁶ Там же. С. 95; Сборник МАМЮ. С. 60—61.

¹⁷ Сборник МАМЮ. С. 33—34, 45; Романов Б. А. Элементы легенды в жалованной грамоте вел. кн. Олега Ивановича Рязанского Ольгову монастырю. С. 213; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. С. 127—128; АСЭИ. С. 352.

¹⁸ Исходя из состояния сохранности рукописи, конъектура, взятая в квадратные скобки, приводится фрагментарно. Титла раскрываются и заключаются в круглые скобки, знаки препинания расставляются по смыслу в соответствии с современными языковыми нормами.

¹⁹ Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. Рязань, 1990. С. 208—209.

²⁰ Прежние исследователи не рассматривали миниатюру как символическую инвокацию, считая, что под таковой следует подразумевать знак креста, который мог находиться перед утраченным инициалом «М». См.: Каиштанов С. М. Богословская преамбула жалованных грамот // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1973. № 5. С. 86.

писал, что «помещение Деисуса во главе жалованной грамоты монастырю понятно. Деисус в старой Руси изображался всего чаще на внешней стороне монастыря или храма, над воротами. <...>. Можно думать, что грамота Олега не была единственной из числа роскошных русских грамот, имевшей перед своим текстом Деисус». ²¹ Это, однако, не находит своего подтверждения — русский актовый материал XII—XVI вв., известный к сегодняшнему времени, лишен каких бы то ни было лицевых изображений. ²²

Начальный протокол грамоты продолжает развернутая словесная инвокация, которую можно трактовать и как богословскую преамбулу: ²³ «[М](и)-л(осе)рдьемь Б(ож)ьимь, м(о)л(и)твою с(ва)тое Б(огороди)ци и м(о)л(и)твою о(т)ца своего князя великого Ивана Олександровича и бл(агосло)вленьем епискупа разаньского и муромского Василья». ²⁴

В грамоте наблюдается соединение начального протокола с основной частью. Первая статья протоколно-диспозитивной части начинается словами: «Язь, князь великий Олегъ Ивановичь, сгадавъ есмь съ своимь о(т)цемь, съ вл(ады)кою съ Васильемь, и съ своими бояры, — а бояре со мною были Софонии Алтыкулаеви(чь), Семень Федорови(чь), Микита Аньдрееви(чь), Тимошь Олександрови(чь), Манасея дадько, Юрьи околничии, Юрьи чашьникъ, Семень Микитьчъ съ братьею, Павель Сороби(чь), — далъ есмь о(т)цю своему Арсенью [ман]астырь с(ва)тое Б(огороди)ци на Олгове, въ свободе до его ж[и]вота, а по своемь животе волень кого вонь бл(агосло)вить на игуменьство».

Статья содержит интитуляцию — «язь, князь великий Олегъ Ивановичь» — и инскрипцию — «о(т)цю своему Арсенью». Внутри статьи выделяются две отдельные подстатьи удостоверительной части, которая выведена в начало документа. В первой подстатье в качестве покровителя выступает духовное лицо — епископ Рязанский и Муромский Василий. Состав боярской думы отражен во второй подстатье-корроборации. Присутствовавшие при оформлении грамоты и располагававшиеся по чиновной и социальной лестнице 9 бояр-послухов, перечисленные здесь поименно, выступали гарантиями легитимности совершаемого акта как представители светской власти.

Перечень княжеских пожалований открывается в пункте первой статьи, согласно которой поставляется на игуменьство «отец Арсений», вероятнее всего являвшийся духовником князя. ²⁵ Эта должность даруется Арсеню пожизненно с предоставлением полной свободы в выборе и назначении преемника.

Вторая статья закрепляет передачу княжеского села в дар монастырю: «А далъ есмь с(ва)той Б(огороди)ци дому Арестовское село» «с в[инами] и с поличнымь, и с резанькою, и съ шестьюдеса(ть), и со всеми пошлинами, и с бортники, и с бор[тными] землами, и с поземо(мь), и съ озеры, и с [бо-

²¹ Сборник МАМЮ. С. 54.

²² Там же. С. 53; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. С. 129.

²³ *Капитанов С. М.* Богословская преамбула жалованных грамот. С. 83, 85.

²⁴ О поставлении епископа Василия на рязанскую кафедру в середине 1356 г. указывает грамота митрополита Алексия. См.: АСЭИ. № 313. Последнее упоминание о епископе Василии зафиксировано в грамоте, выданной ему пронским князем Владимиром Дмитриевичем, умершим в 1372 г. См.: АСЭИ. № 316.

²⁵ Сборник МАМЮ. С. 28, 54.

бры, и с] перевесьиши». Всего 11 пунктов, включенных в пространную, но устойчивую формулу.²⁶

Третья статья, отсылая к «давним грамотам», послужившим образцом для грамоты Олега, повествует об истории закладки обители, называет имена князей-храмоздателей и количество участвующих в акции бояр и дружинников: «А возревь есмь въ да[вн]ьи грамоты, съ о(т)цемь своимь, съ вл(ады)кою с Вас[илье]мь и съ бояры, коли ставили по первы(хъ) [праде]ди наши с(ва)тую Б(огороди)цю, кна(зь) великий Инъгварь, кн[а(зь)] Олегъ, кна(зь) Юрьи, а с ними боярь 300, а мужии 600».

Закладке монастыря князьями Ингварем, Олегом и Юрием предшествовали трагические обстоятельства. В ходе борьбы за великокняжеский стол два родных брата, князья Глеб и Константин Владимировичи, организовали заговор против князей-родственников. 20 июля 1217 г. князья и бояре съехались в летнюю княжескую резиденцию — Исады, где и были убиты заговорщиками. Опоздавший на съезд Ингварь Игоревич спасся.²⁷ В 1218—1219 гг. он вместе с союзниками разбил Владимировичей и сел на великое княжение в Рязани.²⁸ В ознаменование победы и состоялась, по-видимому, закладка монастыря «на Олгове».

Четвертая статья подтверждает пожалования Ольгову монастырю от прежних князей и бояр: «тогда дали с(ва)тои Б(огороди)ци дому 9 земель бортны(хъ), а 5 погостовъ: Песочна, а в ней 300 семии, Холохолна, а в ней по(ль)тора[с]та семии, Заячины, а в ней 200 семии, Веприя — 200 семии, Заячковь — 100 и 60 семии». Достоверность приведенных в грамоте сведений о существовании поселений и о количестве населения в обозначенных пунктах находит свое подтверждение в современных исследованиях.²⁹

Та же статья дублирует обширный перечень пожалований, некогда закрепленных за монастырем: «а си вси погосты съ землами с бортными, и с поземо(мь), и съ озеры, и с бобры, и с перевесьиши, с резанками, и съ шестьюдеса(тъ), и с винами, и с поличны(мь), и со все(ми) пошлинами» — всего 10 пунктов.

Пятая статья, разделенная на две подстатьи-санкции, маркирует юридическую неприкосновенность приписанных к обители людей и лишает княжеских управителей властных полномочий в отношении монастырских территорий: «А хто даныхъ лю(ди)и прадеды нашими с(ва)тои Б(огороди)ци дому, где имуть седети, или бортници, или слободичь, в моеи о(т)чине, ать знаютъ домъ с(ва)тои Б(огороди)ци, а волостели мои ать не вступаютса в ни(хъ) ни о которомъ же деле».

В шестой статье перечисляются имена рязанских бояр и «мужей», которые принимали участие в формировании монастырской собственности:

²⁶ Устойчивость формулы прослеживается по ранним рязанским грамотам. См.: АСЭИ. № 309; Кузьмин А. Г. Древнейшая рязанская грамота XIV столетия // Советские архивы. 1967. № 1. С. 112; Морозов Б. Н. Грамоты XIV—XVI вв. из копияной книги Рязанского архиерейского дома // АЕ за 1987 год. М., 1988. № 1. С. 299—300.

²⁷ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. М., 2000. Т. 10. С. 77—78.

²⁸ Там же. С. 79, 81—82; Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. М., 2001. Т. 7. С. 126.

²⁹ Кучкин В. А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. М., 2001. Ч. 3. С. 168; Зайцев В. В. Археологическое обследование некоторых пунктов, упомянутых в жалованной грамоте великого князя Рязанского Олега Ивановича // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992. С. 199—201.

«А Головчи(нь) даль Федоръ Борисови(чь), а Мордовское даль Климентъ по Данило(вь) дворъ, а Еремеи великии съ Глебо(мъ) села своя подавали г(оспо)жи Б(огороди)ци, а муж[ии], Олговскую околицю купивше у муромьски(хъ) князии, давше 300 гриве(нь), и дали с(ва)той Б(огороди)ци».

Великий князь выступал гарантом соблюдения своего волеизъявления, что нашло отражение в седьмой статье-санкции: «А азъ, кна(зь) великии Олегъ Иванови(чь), што есмь даль Арестовское [с]ело с(ва)той Б(огороди)ци дому, и што прадеди наши подавали которая места и люди, и што бояре подавали дому с(ва)той Б(огороди)ци, того хочю боронити, а не обидети ничимъ дому с(ва)той Б(огороди)ци».

Восьмая статья-санкция оговаривает абсолютный монастырский иммунитет, который приобретал этот крупнейший после владычного дома землевладелец в княжестве: «а волостели и даньинци, и ямьщики ать не занимаютъ богородицскихъ людии ни про што же».

Заключительная статья основной части формуляра вводит «кульминационную» санкцию угрозы на случай нарушения исполнения воли грамотодателя, выраженную формулой небесной кары: «а кто изобиди(ть) домъ с(ва)той Б(огороди)ци, или князь, или вл(ады)ка, или волосте(ль), или кто инии, тотъ дастъ ответъ передъ бо(го)мъ с(ва)той г(оспо)жи Б(огороди)ци».

Таким образом, грамота определяет сферу монастырского землевладения путем закрепления за обителю территориальных, хозяйственно-экономических, таможенных, налоговых, административных, юридических и прочих льгот и привилегий и подтверждает абсолютные иммунитетные права монастыря как крупного феодала. «Благодаря столь полному иммунитету, Ольгов монастырь становился как бы государством в государстве, в юридическом и политическом отношениях зависимым только от князя, который принял на себя еще обязанность непосредственного покровительства и защиты».³⁰

Клаузула-приписка следует после основной части формуляра. По заключению палеографов, она была выполнена с некоторым временным разрывом рукой другого писца.³¹ Между тем наблюдается родственность палеографии приписки и надписей рядом с фигурами, а также схожесть светло-коричневых чернил, которыми они написаны. В приписке содержится обетное слово, согласно которому князь наделяет монастырь дополнительными правами сбора таможенных пошлин, вдобавок к вышеперечисленному корпусу княжеско-боярских пожалований и привилегий: «А коли есмь выехалъ изъ о(т)чины изъ своее изъ Переаславла, тогде есмь обеть оучинилъ къ с(ва)теи г(оспо)жи Б(огороди)ци придалъ есмь разаньское м[...]то и побережьеное, аже ми дасть [...] въ о(т)чине своеи въ Переас[лавл]и». Текст обетного пожалования послужил датирующим признаком в вопросе определения времени написания грамоты. Конечный протокол документа отсутствует.

2. Миниатюра грамоты

Структура миниатюры (см. рисунок) состоит из семичастного Деисуса: центральный образ Христа Пантократора фланкируют фигуры Богоматери, Иоанна Предтечи, архангелов Михаила и Гавриила (верхний ряд), святого

³⁰ Сборник МАМЮ. С. 41.

³¹ Там же. С. 55.

Иакова и коленопреклоненного монаха Арсения (нижний ряд). Для усиления богословской составляющей ктиторийский образ князя замещен изображением апостола Иакова, небесного патрона князя Олега, который остался за пределами иконографической схемы миниатюры.³² Все образы, кроме апостола и монаха, поясные. Надписи на фоне рядом с фигурами прочтываются плохо. Миниатюра исполнена в темперной технике. Для красочного слоя использовались пигменты: ярь-медянка (утрачен), киноварь, охры, уголь (или сажа).³³ Краска положена тонко, преимущественно в один слой, на ликах живопись отсутствует.³⁴

Спаситель облачен в зеленый хитон и киноварный гиматий. По сравнению с другими персонажами его фигура несколько укрупнена, благословляющая десница непропорционально большая, пальцы тонкие и длинные. Взгляд волевой, лишенный созерцательности, со зрачками, резко скошенными вправо вниз. Линия носа и уста поддвечены киноварью. Закрытое Евангелие поставлено на левую руку, прикрытую гиматием. Исходное положение кодекса просматривается по следу бледно-зеленого пятна четырехугольной формы, оставшегося от ярь-медянки. Мафорий Богоматери залит киноварью, туника была покрыта зеленой краской. Архангел Михаил одет в красный хитон и зеленый плащ, Гавриил — в зеленый хитон и киноварный плащ. На зеленую власяницу Иоанна Предтечи накинут плащ темно-коричневого цвета. Объем выстраивается через незначительное усложнение рисунка складок благодаря черной и киноварной разделке, приведшей к эффекту драпировки. Апостол Иаков изображен в доходящих до щиколоток красном хитоне и зеленой накидке. Пальцами правой руки он придерживает зеленого цвета с красным обрезом закрытое Евангелие, поставленное на покровенную левую руку. Для нимбов и поручей использовалась желто-оранжевая охра. Контуры нимбов пройдены коричневой обводкой, перекрестья нимба Христа заполнены киноварью. Коричневый пигмент интенсивно нанесен на волосы Христа и Предтечи, на крылья и волосы архангелов. Все фигуры оконтурены широкими темными полосами.

Для написания одного из центральных образформирующих элементов мужских иконографических типов — бороды — миниатюрист применил ту же коричневую краску. Лик Христа обрамлен недлинной, в меру густой бородой, раздвоенной на две пряди на конце; форма бороды у Иоанна Предтечи, изображенной в движении, символизирует миссионерский дух пророка; у апостола Иакова, напротив, борода строгая, килевидной формы; у чернеца Арсения —

³² Речь идет о ктиторийском образе именно князя, а не игумена Арсения, как считал Г. К. Вагнер. Он неверно идентифицировал фигуру апостола Иакова, приняв его за апостола Павла. См.: Вагнер Г. К. Проблема жанров в древнерусском искусстве. М., 1974. С. 201—202. Надо сказать, что при определении структуры Деисуса длительное время имела место ошибка. Так, в издании-компендуме со ссылкой на более ранний источник говорится о двух (!) апостольских фигурах — Петра и Павла, присутствующих на миниатюре. См.: Воронин Н. Н., Лазарев В. Н. Искусство среднерусских княжеств XIII—XV веков // История русского искусства. М., 1955. Т. 3. С. 18.

³³ Во время последней реставрации в 1983—1984 гг. в ГосНИИР исследование красочного слоя не проводилось. Благодаря Галине Захаровне Быкову, реставратора высшей квалификации ВХНРЦ им. академика И. Э. Грабаря, предоставившую устные сведения о составе пигментов.

³⁴ РГАДА, ф. 281, Паспорт реставрации, № 12, л. 75.

аккуратная, небольшая округлая седая борода, обильно покрывающая щеки, у подбородка едва заметно разделенная надвое. Старец Арсений, в черной монашеской мантии и клобуке, выписан предельно реалистично, что было отмечено Г. К. Вагнером.³⁵ Фактура одеяния монаха достигается широкими дугообразными белильными мазками и прорисовкой волнообразного контура. По-иному достигается осязаемость облачений остальных персонажей: мягкость линии уступает резким, угловым складкам и акцентируется зигзагообразной оторочкой края мафория Богоматери. Однако при всем схематизме и условности в разработке одежд строй рисунка складок на миниатюре в целом подчинен определенному ритму.

Надпись над головой монаха начертана наклонным почерком в три неровные строки: «а се грешнии/чернецъ Арьсе/нии». Особенность составления формулировки надписи может служить атрибутирующим признаком принадлежности Арсения к авторству миниатюры, о чем в свое время впервые высказался Н. Д. Иванчин-Писарев, правда, весьма нелестно отозвавшись о художественной манере автора, поскольку не был знаком с подлинником.³⁶

Грамота иллюминирована непрофессиональным миниатюристом. Так, автору не вполне удалось выдержать пространственное соотношение между фигурами на пергамене. Формальные признаки живописной техники письма находят воплощение в слабой моделировке одежд, в обобщенности и плоскостности трактовки личного. Индивидуальный почерк автора проявляется в прорисовке широких полос бровей, миндалевидных глаз с крупными белками и выразительными зрачками, в нарочито обведенных глазных орбитах, обрамленных длинными ресницами. Характерное написание восточного типа глаз позволяет прийти к выводу о непринадлежности автора миниатюры к русской художественной среде. Не отличающаяся стройностью пластического решения, миниатюра вместе с тем представляет собой образец, олицетворяющий определенный этап в развитии художественной культуры конкретного исторического центра. Лапидарность стиля наводит на мысль о принадлежности миниатюриста к монашеской среде и может свидетельствовать в пользу монастырского происхождения миниатюры.

Не раз поднимался вопрос о месте изготовления грамоты. Большинство исследователей склонялось к тому, что документ есть результат деятельности монастырского скриптория или по крайней мере миниатюра была рождена в стенах монастыря.³⁷ Интересна версия, в основу которой положена западная локальная традиция изготовления монастырских торжественных лицевых копий наряду с подлинниками, писавшимися в светских канцеляриях.³⁸ За неимением вспомогательных источников попытки реконструкции делопроизводственного процесса так и останутся на уровне рабочих гипотез, однако, по

³⁵ Вагнер Г. К. 1) Старые художники и архитекторы Рязани. Рязань, 1960. С. 6—7; 2) Рязань. М., 1971. С. 17.

³⁶ Спасо-Андроников. Сочинение Н. [Д.] Иванчина-Писарева. М., 1842. С. 81.

³⁷ Донесение в Археологическую комиссию члена ее г. Бердникова... С. 134—135; Романов Б. А. Элементы легенды в жалованной грамоте вел. кн. Олега Ивановича Рязанского... С. 213—214; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. С. 129.

³⁸ Выражаю благодарность Ирине Анатольевне Лобаковой, старшему научному сотруднику Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, за обстоятельную устную консультацию относительно возможного места и технических особенностей изготовления рязанской грамоты с учетом имевшей место западной традиции.

нашему мнению, безусловно одно: миниатюра в силу отмеченных иконографических и стилистических особенностей не могла быть написана в княжеской канцелярии.³⁹ Решение князя Олега о возрождении древней родовой обители стало для монастыря этапным событием, поэтому непосредственное участие игумена в оформлении грамоты (как миниатюриста или автора-разработчика композиции) сомнения не вызывает.

Миниатюрист предельно ясно расставил смысловые акценты, мастерски проиллюстрировав идейный замысел грамоты (даритель—дарополучатель), введя в структуру Деисуса ростовой образ апостола Иакова как символ могущества князя-вкладчика в противовес коленопреклоненной фигуре монаха как недостойного богомольца и просителя. Если принять во внимание предполагаемое духовничество Арсения, становится понятным включение его изображения в сакральную композицию, что подчеркивало его принадлежность к узкому кругу избранных, пользующихся расположением и доверием князя. Через этот прием воплотилось желание чернеца Арсения как духовника стать частью постоянного и видимого молитвенного ходатайства за вверенную ему обитель и за его духовное чадо. Подобное иконографическое и идейное новшество не встречается более ни в одной русской грамоте XII—XVI вв.

³⁹ Благодарю Олега Витальевича Панченко, старшего научного сотрудника Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, за разъяснения по поводу возможного функционирования скриптория в Ольговом монастыре.

К статье М. В. Семёной «Грамота великого князя Олега Рязанского XIV века»

Грамота великого князя Олега Рязанского. XIV век.